

**Н. П. Огарёв
в России**

Коллективная монография

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева»**

**Институт национальной культуры
Кафедра культурологии и этнокультуры**

Н. П. Огарёв в России

Коллективная монография

Саранск
Типография «Красный Октябрь»
2014

УДК 1/14
ББК 87.3(2)
О-362

Печатается при поддержке РГНФ. Проект № 14-03-00099

Н.П. Огарёв в России : коллективная монография /
О-362 М-во образования и науки РФ, МГУ им. Н. П. Огарева
[и др. ; науч. ред. Н. И. Воронина]. – Саранск :
Типография «Красный Октябрь», 2014. – 56 с.
ISBN 978-5-7493-1788-6

В книге представлены избранные материалы участников
Круглого стола, проведенного в рамках гранта РГНФ 2014–
2016 гг. «Н.П. Огарев и Россия: новая пространственно-временная
рефлексия (к 200-летию со дня рождения)» (руководитель проекта
Н.И. Воронина).

Рассматриваются теоретические основания становления
личности и фактологический материал новой рефлексии восприятия
поэта в современном мире.

УДК 1/14
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-7493-1788-6

© Коллектив авторов, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Лирика Н.П. Огарева 4

Часть II

Российские «духовидцы»: традиции и современность
(Н.И. Воронина) 8

Человек и духовная культура в современном мире
(Е.С. Селиванова) 14

Имидж автора: проблемы формирования и восприятия
(Е.В. Колтаменкова) 19

Понимание своего «Я» в общении с другими
(Н.Л. Новикова) 22

Часть III

Н.П. Огареву – 200 лет
(Н.И. Воронина) 31

«Там протекала жизнь моя...»: серия пейзажей
Николая Рожкова «По местам жизни Н.П. Огарева»
(Н.Ю. Лысова) 38

Новый проект восстановления усадьбы Н.П. Огарева
в селе Старое Акшино
(В.Б. Махаев) 51

Часть I

Лирика Н.П. Огарева

ЮНОШЕ

(Подражание Полонию)

Ступай, мой сын! Поостранствуй! Погляди!
Мне, старику, оно уже не лестно!..
Как сонный кот, забившись в угол тесный,
Я не ишу отрады впереди;
А молодежь, с своим орлиным взором,
Летит вперед за волей и простором.
Учись! Пойми, что знание есть власть;
Умей страдать вопросом и сомненьем,
Умей людей любить с благоговеньем,
И претворяй бунтующую страсть
В смысл красоты и веры благородной,
Живи умно, как человек свободный.
Пора любви придет своей чредой:
Умей любовь проникнуть светом дружбы;
Но избегай, как гнета рабской службы

Тяжелой свычки, праздной и тупой,
Где женщина, весь день дыша разладом,
Тревожит жизнь докучно-мелким ядом.
За истину сноси обидный гнет –
Без хвастовства, но гордо и достойно;
Будь тверд в борьбе и смерть встречай
спокойно,

Не злобствуя и зная наперед:
Народы все, помимо всех уроков,
Сперва казнят, а после чтут пророков.
Итак, ступай! Мужайся и расти!
На все кругом смотри пытливым взглядом.
И, действуя наперекор преградам,
Не уходи с заветного пути...
Забудь в труде и страх и утомленье –
И вот тебе мое благословенье.

1859

* * *

Мой русский стих, живое слово
Святыни сердца моего,
Как звуки языка родного,
Не тронет сердца твоего.
На буквы чуждые взирая
С улыбкой ясною, – умей,
Их странных форм не понимая,
Понять в них мысль любви моей.
Их звук пройдет в тиши глубокой,
Но я пишу их потому,
Что этот голос одинокий –
Он нужен чувству моему.
И я так рад уединенью:
Мне нужно самому себе
Сказать в словах, подобных пенью.
Как благодарен я тебе –
За мягкость ласки бесконечной;
За то, что с тихой простотой
Почтила ты слезой сердечной.
Твоей сочувственной слезой –
Мое страданье о народе,

Увидя вас, конечно б, мог
Любить вас тот, чья мысль далеко
От страсти знойной и тревог,
Кто любит тихо и глубоко.
Он, в созерцанье погрузась,
От вас отвести не мог бы взора...
Но страшно мне глядеть на вас!
Завесь не смею разговора,
Боюсь узнать, что вы пусты,
Что вы ничтожной суетою
В холодном сердце заняты;
Боюсь я в памяти с собою
Унести прекрасные черты
С сухой и мелкою душою.

1841, зима

Часть II

РОССИЙСКИЕ «ДУХОВИДЦЫ»: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Философствование сегодня представляет собой некоторое многообразие систем и языковых практик, тем не менее, судьба у философии одна (мы имеем в виду исключительно европейскую традицию), она связана с конкретными событиями ее истории и обуславливает определенную логику. Трансформация философии в XX и XXI вв. связана с переосмыслением ее фундаментальных концептов: бытия, истины, субъекта (по словам петербургского философа А.Н. Исакова происходит «мифопоэзис современности: анализ превращенных форм общественного сознания»). Остановимся на двух векторах явления *духовидения* в истории европейской интеллектуальной традиции. Оно образует некое общее силовое поле: во-первых, судьба духовидения как созерцания «края иного» в современной культуре, а, во-вторых, «духовидение» (обратите внимание на кавычки!) как очень крепкая личностная конструкция, которая живет и творит в реальном мире. Для нее важнее не личная слава или другие блага, а возможность качественных инвестиций в перспективу. «Духовидцы» – Творцы реального бытия и считают себя обязанными людям, делая все возможное для них.

Так, появилось и два понятийных ряда духовидца:

1. *Духовидец-предсказатель, мистик, пророк, теург, ясновидец.* (Можно добавить в этот ряд термин *Творец и Созидатель* и рассматривать как *Повелителя духа* (но не зла и не насилия!))
2. *«Духовидец-творец», т.е. Творец духа, Деятель, Автор, «Строитель», Созидатель, Виновник, Поэт...*

Словари иностранных слов дают следующие дополнения: творец как автор, изобретатель (португ.); человек – творец своей судьбы (ит.); творец как автор (creator, marker); творцы новой жизни (англ.); как автор-создатель (creator) – (фр.).

Два обозначенных ряда частично взаимосвязаны и могут быть рассмотрены возможные стратегии философствования в этом пространстве. Итак, духовидение – это созерцание «края иного». И конечно, возникает вопрос: не с религией ли и мистикой это связано? Да, конечно, – как известно, чтобы понять поэта, надо идти в «его страну», и понять, что ей

соответствует не только некая объективная реальность, но и данное ему в ощущениях. Феномен духовидения интересовал многих философов. Со скепсисом и иронией отнесся к нему И. Кант в «Грезах духовидца» (1766), поводом для написания которых явились видения Э. Сведенборга (*его фантастических измышлениях о Небесах, Мире духов и аде*). Опустившись в еще большие, чем З. Фрейд, глубины человеческой психологии, К.Г. Юнг в своей статье (1934) дал оригинальную трактовку духовидческих, мифологических и религиозных образов.

Однако есть другая сторона вопроса и для этого обратимся к работам К.Э. Циолковского, который изобрел теорию ракетоплавания, – как он пишет сам, – лишь как приложение к своим философским изысканиям, мало известным широкому читателю в виду их многолетнего замалчивания. В истории и литературе множество необъяснимых явлений. «...Следует относиться к таким «непонятым» явлениям внимательнее. И теперь я думаю, что более 99% этих явлений именно таковы. *Но не все* (курсив наш. – Н.В.) Какая-то часть их ... не может быть объяснена без вмешательства разумных сил, исходящих от сознательных и неизвестных нам существ» [1, с. 211], и обобщим, что человек, который создает или создал что-нибудь творчески и приобщил к этому других – и есть «духовидец» (например, «Народ творец и созидатель» или А.А. Фет об А.С. Пушкине: «Свободного стиха прославленный творец» и сам А.С. Пушкин в «Евгении Онегине»: «Ленский входит, с ним Онегин: «Ах, творец, – кричит хозяйка, – наконец!»). Психологи же выводят, что творцы – это Заботящиеся о жизни люди. Мечта и задача Творца-духовидца – оставить после себя добрый след, и, наконец (!) цветущую жизнь.

В своей последней книге «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) И. Кант утверждает, что «физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека природа, а прагматическое – исследование того, что он как свободно действующее существо делает или может делать из себя сам» [2, с. 35].

Сегодня мы можем назвать много имен российских «духовидцев», которые не просто переживали свою историю, но созидали ее, приобщая к своим деяниям разных людей, одержимых их идеями и способных что-то оставлять людям.

Авторы и Деятели, Творцы и Созидатели, «Строители» и Визновники – все они в какой-то степени не только мечтатели, но и творцы новой жизни.

Обратившись к своей истории, остро ощутив изъяны в ее исследовании, начинаешь круто изменять осмысление не только самих явлений российской культуры, но и ее Творцов, включать их биографии в этос «мы», в воздух истории. Наши «культурные герои» – российские «духовидцы» жили в разные эпохи.

Чем они интересны сегодня, в дни сложной для России эпохи, поиска «русской идеи», кризиса культуры? Что можно почерпнуть из них в начале нового XXI века? Думаю, что новая ситуация приложима почти к каждой одаренной личности в России.

Целый ряд мыслителей и художников переживали и переживают действительность на свой лад, идентифицируя себя с эпохой, со временем, питаюсь воздухом ауры, создаваемой вокруг себя самим же, то есть, маркируя себя с кругом семьи, друзей, коллег, наконец, с творчеством, которое бурно расцвело вокруг.

Но в этом «мы» всегда заложено два бинарных основания, два противоположных начала. Первое «мы» – «это «я» плюс те среди «они», кого я ощутил среди близких», это общество, в котором комфортно думать, писать, творить, общаться и обогащать свой внутренний мир.

Другое «мы», созданное тотальным единством, которому ты должен подчиняться, «где индивидуальные различия не существенны или преодолены, а верность целому как верность собственному выбору и личным убеждениям, в нем реализованным, подлежит искоренению», – пишет Г.С. Кнабе [3, с.1055].

Переживать два «мы» всегда было сложно, но и находиться в их единстве было невозможно. Поэтому одни писали «в стол» (и делали это весьма успешно десятилетиями); другие находили «скрытый» язык для самовыражения, который был доступен немногим; третьи просто покидали свое обжитое место, теряя связующую нить с малой Родиной, а иногда и с Россией; четвертые «сдавались» и присоединялись к «монологу», лишаясь личного выбора и диалога. Происходил процесс как бы избавления от иллюзий, «выхода из идентификации... с ней некогда связанных, стать собой, но при этом

сохранить верность чувству «мы» как исходному принципу нравственной ответственности и культуры» [3, с.1056].

Рассмотрим несколько судеб *Творцов-духовидцев* в российской культуре, которые так или иначе пережили один из этих процессов как факт культурно-антропологический, идентифицируя себя и создавая в творчестве именно тот «сгусток культурно-исторического воздуха», о котором говорит Г.С. Кнабе.

Духовная реальность Степана Дмитриевича Эрзы (1876-1959) – это мир человеческих чувств. Выдающийся скульптор мировой и отечественной культуры и крупнейший модернист европейской культуры, обновитель и выразитель парадигмы человека XX века, передавший осмысление и чувство своей эпохи, ее сокровенную суть. В его каменной и деревянной летописи запечатлено его понимание мира. Слова И.И. Гарина о поэте можно с полным основанием адресовать скульптору, и не абстрактно, а конкретно Эрзе: «Поэт – это человек, у которого всегда на одно горе больше, чем у других людей». «Поэт – хранитель бесчисленных лиц живущего». «Поэт – не создает образов – он бросает проблемы» [4, с. 497].

Он творил особые миры и «населял» их созданными его талантом образами и характерами: в этих мирах явления подчиняются не обычным законам природы, а новым, которыми повелевает мастер. Родная земля дала целый каскад посвящений отцу, матери, эрзянке, крестьянину-мордвину, старику-мордвину. В этих работах Эрзя причудливо-разный, в нем говорил талантливый самородок, человек из недр народного быта, с одной стороны, а с другой, – страдалец, отшельник, испытывавший ностальгию по Родине. В уникальной портретной галерее женских образов мира – антропологическое откровение, откровение человеческой глубины – свобода, открытость, пластичность, противоречивость, хаотичность, дерзость, неистовость... – владение огромным миром человеческих темпераментов и человеческих страстей.

«Какая поэзия – процесс этого мраморного творчества! Какая это великая и чудная власть – вызвать из каменной глыбы человека со всем его обликом – внешним и внутренним, пламенем души, характером, мыслью... только без речи!», – писал об Эрзе русский писатель А.В. Амфитеатров [5, с.103].

Величайшая сила духа этого художника позволяла познавать мир человека, отражать его в образах для человека, чтобы человек становился «выше» в своих деяниях.

Николай Платонович Огарев (1813-1877) и Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975) – российские люди разных эпох, причастные к одной земле – мордовской, десятилетиями проживания на ней; связанные профессиональной идентичностью – литературным и научным трудом, любовью и пониманием искусства, особенно музыки; использующие ее духовную ипостась в своем творчестве. Оба изгнанники, вынужденные покинуть Родину и поселиться вдали от нее (Огарев в Англии), либо свой город С-Петербург и поселиться в провинции (Бахтин в Саранске).

«Десятилетие в истории и культуре – не то же самое, что десятилетие в календаре. Оно длится не десять лет, а столько, сколько длится тот сгусток культурно-исторического воздуха, который составил его существо: «люди сороковых годов» – Герцен и Огарев, Белинский и Грановский – заполняли авансцену русской культуры с середины 1830-х до середины 1850-х.», – пишет Г.С. Кнабе [3, с.1047], а затем, переехав в Англию, Герцен и Огарев продолжали еще в течение почти двадцати лет питать русскую мысль, литературу, искусство «жизнесмыслами» своего «Я».

Про *Огарева* можно сказать, что, прожив всю свою жизнь в XIX в., он наш современник, он и тогда наполнял, и сегодня наполняет интеллектуальную жизнь России вдохновенными идеями, многие из которых реализуются. В Старом Акшине (1846-1856) совершил целый ряд поступков, в оценке которых сегодня мы видим *Творца-созидателя* в области философского и экономического знания, политических, медицинских, изобретательских практик, поэтического и музыкального дара, благотворительной и меценатской деятельности, педагогических опытов, социальной работы, т.е. всего того, что можно назвать его профессиональной и жизненной идентичностью. Ежегодные Огаревские чтения, аккумулируют его научные знания и открытия. А студенты и преподаватели, называя себя огаревцами, идентифицируют себя с его личностью и его деяниями.

Прожив в Саранске 25 лет, *Бахтин* создает свою духовную ауру в тихом провинциальном городе, расположенном в центре России, несмотря на то, что Саранск для такого человека

становится провинцией, которая вырвала его из привычного научного общения, сделала изгоем, соединив одновременно мотив избранничества и обделенности жизнью. Но Бахтин не чувствовал характерные для русского интеллигента (особенно провинциала) чувство вины, скуку, одиночество, разочарованность. Он работал... Вдохновенно читал лекции для студентов, писал (чаще в стол) свои гениальные труды, общался с интересными людьми, тем самым превратив вынужденное «заточение» в среду одухотворенного обитания не только для себя, но и для окружавших его людей. Это было его «мы», особое, неповторимое. Это особый тип «его провинции», становящийся духовной столицей, столицей бахтинства, «своей» столицей мира. Именно здесь он написал одно из фундаментальных исследований человеческой идентичности: «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». И, не побывав ни разу в Европе, Бахтин становится человеком Европы, проанализировав и оценив достоинства и недостатки смеховой народной культуры двух великих эпох – Средневековья и Возрождения – как никто другой до него. Сильный духом, Бахтин не только не сломался, но явил себя *Великим Творцом* высокой интеллектуальной культуры. Через «прикосновение» к такому человеку проявляется страстный интерес к другому бытию, и результат его выражения – способность к самосовершенствованию, самоуглублению и самопознанию.

Примечания

1. Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Кант И. Критика практического разума // Соч.: В 6 т. – М., 1997. – Т.3.
3. Кнабе Георгий. Булат Окуджава и три эпохи культуры XX в.: проблема «мы» // Избранные труды: Теория и история культуры. – М., 2006.
4. Гарин И. Поэты и пророки: В 7т. Т. 4. – М., 1994.
5. Амфитеатров А. Из записной книжки // Степан Дмитриевич Эрьзя. Переписка. Статьи о творчестве. Воспоминания. Каталог произведений. (Сост. В.С. Дворецкая). – Саранск, – 2001.

ЧЕЛОВЕК И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Духовная культура – неотъемлемая часть жизни человека. Она представляет совокупность нематериальных элементов культуры, таких как, нравственность, знания, ценности, мифы, обычаи, традиции, язык и т.д. Духовная культура возникает из потребности осмысления и образно-чувственного освоения действительности. В реальной жизни духовная культура выражается в ряде специализированных форм: морали, религии, искусстве, философии, науке.

В современном мире проблема духовной культуры общества приобретает особую значимость в контексте осмысления проблем глобализации и их влияния на традиционные ценности и культуру. Связанный с глобализацией процесс образования космополитичной культуры часть исследователей расценивает как положительную динамику, означающую актуализацию индивидуализма, разрушение традиций и духа коллективности. Эта космополитичная культура, по мнению авторов, нивелируя этнические, национальные элементы способствует изживанию явлений национализма. Другие авторы глобализацию культуры трактуют как процесс, связанный с соединением культур, что способствует сплочению нации и поддержанию традиций. Вне зависимости от того какая точка зрения ближе к истине невозможно отрицать, что информационные технологии, массовая коммуникация изменили духовную основу жизнедеятельности современного человека, его духовную культуру и привели к появлению негативных процессов в духовной сфере. В России конец XX – начало XXI вв. отмечен системными трансформациями общества, которые неизбежно привели к смене ценностных приоритетов россиян, изменили представления о нравственности, о порядочности или непорядочности человека, видоизменили точку отсчета в оценке нравственности.

Подобные процессы, связанные с трансформацией духовной культуры, характерны не только для России, это общемировая тенденция. Достижения цивилизации XIX и в особенности XX в. стали причиной абсолютизации возможностей человека по отношению к окружающему миру, что привело в итоге к формированию в общественном сознании материалистического мировоззрения и возникновению духовного

кризиса отчасти связанного и с кризисом религии, отношение к которой стало постепенно изменяться, начиная еще с эпохи Просвещения. Идея неизбежного уменьшения влияния религии в обществе с развитием прогресса набирала силу и стала аксиомой к середине XX века, когда в общественных науках утвердился термин «теория секуляризации», связанный с представлениями о том, что с экономическим развитием общества роль религии и религиозных институтов будет неуклонно снижаться (Питер Бергер, Томас Лукман). Тем временем конец XX века неожиданно ознаменовался возвращением религиозного фактора в политику и общественную жизнь. В России наиболее заметным стало возрождение православия, а на международной религиозной арене – возросшее влияние ислама, подъем консервативных, традиционных и ортодоксальных движений. В связи с этим в конце XX – начале XXI века под влиянием возрастающей роли религии и религиозных институтов во многих странах и в мире в целом классическая теория секуляризации подверглась критике.

Однако вернувшаяся в жизнь современного человека религиозность не стала религиозностью в традиционном понимании, в ней произошли определенные трансформации. Характерными чертами религиозных изменений в течение всего XX и начала XXI века стало все большее разнообразие религий, плюрализация религиозной ситуации, субъективизация религии, появление новых религиозных движений. По мысли Ю. Синелиной, сама религия, формы ее проявления в обществе, деятельность религиозных институтов, принципы организации религиозных сообществ подверглись трансформации. У людей появилась возможность конструировать себе религию из тех символических систем, которые представлены на «религиозном рынке», так называемая религия «а la carte», или «лоскутная религия», или «бриколаж»[1].

Соприкасаясь с непривычными для себя религиозными феноменами и идеями, современное мировоззрение подвергает их колоссальной деформации, формируя совсем новые, небывалые в истории религий религиозные (или псевдорелигиозные) культы и учения. Подобное явление П.С. Гуревич назвал «новой религиозностью», или «нетрадиционной религиозностью», определяя его как одно из характерных явлений современной духовной жизни[2, с. 257]. Суть его состоит в

распространении вероучений, не связанных с привычными, традиционными религиями.

Это связано с тем, что современные люди, живущие в мире, где практически всему есть научное объяснение, больше не могут быть религиозными в прежнем смысле слова. Прежняя вера в традиционный образ бога себя изжила. Теологический модернизм ищет возможности «демифологизировать» христианство, преодолеть противопоставление бога как потусторонней, сверхъестественной сущности посюстороннему миру. Старое представление о боге как чудотворце и избавителе, которого мы привлекаем на помощь только тогда, когда нас не удовлетворяют ответы науки или когда мы не можем справиться с нашими собственными проблемами, представление о боге как существе, обитающем где-то вне мира, «над звездами», себя изжило. Бога надо искать не вне мира, а в самом мире. Теологический модернизм сближает бога с миром настолько, что они сливаются, происходит «обмирщение» веры [3, с. 285].

Еще одной причиной распространения новой религиозности, своего рода ее генетической основой, ряд исследователей (А. Тойнби, А.В. Костина, Е.Г. Соколова, Ю.В. Рыжов и др.) считают появление современной массовой культуры взамен длительное время существовавшей культуры традиционной, народной. В современных теориях и концепциях нет единой оценки массовой культуры, но несомненно то, что в настоящее время она проникает практически во все сферы жизни человека и формирует свое единое семиотическое пространство – общее образование, массовые политические движения, массовую художественную культуру, спорт, потребительский спрос, ценностные ориентиры человека и т.д.

Влияние массовой культуры прослеживается и в искусстве, еще одной сфере духовной культуры, на которое также оказывают воздействие две главные силы современности – наука и политика. Современное искусство во многом связано с достижениями научно-технического прогресса – генной инженерией и особенно с медиатехнологиями. Эти заимствования дают возможность искусству преодолеть жанровые границы, освоить новые территории (техники, политики, науки и т. д.). Одним из центральных объектов изображения медиарта является повседневность, внешние проявления человека, события его жизни, окружающая предметная среда.

Влияние научного прогресса на культуру прослеживается, по мысли В.В. Бычкова, в том, что «духовно-ориентированная культура сменяется материалистически-ориентированной цивилизацией или ПОСТ-культурой, свидетельством глобального переходного периода в культуре и преобразования культуры как носителя Духа в иное качество» [4, с. 226]. О глобальном кризисе культуры и европейской цивилизации начали говорить еще Ницше, Шпенглер и ряд других философов. «Сдвиги в космо-антропном процессе, которые на уровне европейской цивилизации привели к угасанию традиционной духовности, секуляризации культуры, развитию человеческого разума в направлении научно-технических открытий, возникновению жестких капиталистических отношений на базе голого материализма, утилитаризма, практицизма; затем – к электронно-технологическим революциям и информационному потоку, приведшим, в результате, к качественным изменениям всей психо-ментальной структуры человека» [5, с. 227]. Для искусства ПОСТ-культуры в целом характерен принципиальный отказ практически ото всех традиционных ценностей – гносеологических, этических, эстетических, религиозных. Им на смену приходят сознательно приземленные утилитаристские категории: политика, бизнес, вещь, потребление, тело и т.д. Во многом это отразилось в деятельности художников политического искусства, направления, развившегося из соц-арта 70-х гг. – эпатажирующих пародий ряда художников на официальные образы и символы советского искусства. Акции, перформансы художников политического искусства А. Бренера, О. Кулика, О. Мавроматти были направлены на публичный резонанс и являлись, по мнению Ю. Аксеновой, ответной реакцией на вызов времени, «демонстрировали, как современные этические координаты в обществе формируются путем радикального преодоления моральных границ и предустановленных правил» [6].

Еще более сложные отношения сложились в области современного искусства и религии. Примером могут служить нашумевшие акции и выставки современного искусства – «Осторожно, религия!» (2003), «Запретное искусство» (2006), «Духовная брань» (2012), «Культурный альянс» (2012), «Icons»(2012), так называемый панк-молебен группы «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя в Москве (2012) и т.д. Основная критика в адрес художников вызвана здесь неод-

нозначным использованием религиозных символов и образов, оскорблением чувств верующих. Вместе с тем весьма сложно ответить на вопрос, что из этих проектов действительно является провокацией, а что связано с трансформацией духовных ценностей, неудовлетворенностью действительностью и внутренним протестом против нее. Рассматривая споры, вызванные подобными выставками и провокационными акциями, необходимо помнить, что со сменой эпох произошла трансформация в культуре, религии, вообще в сознании и ценностных приоритетах человека, о чем было сказано выше. В современном искусстве религия может существовать фигуративно, а может помогать соединить воедино с эстетическим опытом опыт религиозный. Примерами такого соединения эстетического и религиозного, попытками выстроить диалог между современным искусством и религией могут быть как исследовательские, так и художественные работы Гора Чахала, Н. Мухина, О. Кандаурова и др., а также выставки «Двоесловие/диалог» (2010), «Хлеб Неба» (2010), «Обратная перспектива» (2012), «Искусство и религия в пространстве современной культуры» (2013) и др.

Таким образом, изменившееся положение религии в современном мире, а также научно-технический прогресс XX в., распространение массовой культуры привели к коренным изменениям во всей духовной культуре современного человека. Формирующаяся новая религиозность и пост-культура связаны с секуляризацией культуры, капиталистическими отношениями, многочисленными научно-техническими открытиями, практицизмом, широким развитием информационных технологий. Все это привело к трансформации ценностных приоритетов и мировоззрения человека. Примером здесь может служить ситуация с современным искусством, которое как барометр отражает происходящие изменения.

Примечания

1. Синелина Ю. Религия в современном мире [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2013/01/religiya-v-sovremennom-mire/>
2. Гуревич П. С. Культурология. – М., 2003.
3. Гараджа В.И. Религиоведение. – М., 1995.
4. Бычков В.В. Художественная культура XX века // Корневище: Книга неклассической эстетики. – М., 1999.
5. Там же.
6. Аксенова Ю. Новые формы политического искусства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aerofeev.ru/content/view/12/110/>

ИМИДЖ АВТОРА: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

Формирование современного культурного пространства, как и искусства в целом, обусловлено определенным набором социокультурных, экономических и политических показателей, обеспечивающих рождение и дальнейшее функционирование предметов искусства. Рынок искусства обладает уникальными, присущими только ему характеристиками, однако, на территории арт-сферы действует большинство законов маркетинга. В результате чего, одной из главных проблем, решаемых маркетингом в сфере искусства, становится проблема формирования имиджа автора, создание определенной репутации творца и его творения.

Таким образом, в настоящее время наряду с такими, определяющими суть авторства феноменами, как образ автора, авторская маска, биография автора закрепилось понятие имидж автора (англ. image – изображение, образ, облик). Вопросы формирования имиджа являются предметом изучения таких областей знания как экономика, политология, социология, психология. Рассматривая данный феномен сквозь призму той или иной области знания понятие имидж можно рассматривать как: – целостное видение конкретного социального объекта, построенное на базе его стереотипизированного восприятия, эмоционально окрашенный схематизированный образ этого объекта, представленный в сознании его социального окружения [3]; – символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект – субъектного взаимодействия [4]; – воспринимаемый и передаваемый образ [2]. Однако, наиболее общим определением понятия имидж является определение его как смоделированного, искусственно созданного образа, сформированного в соответствии с определенными нормами и стандартами, подразумевающими определенную реакцию публики на свое появление и существование.

Иными словами, имидж автора – это некий собирательный образ, определяющий творческую направленность автора, в то время как основной целью формирования того или иного имиджа будет являться стремление к расположению читательской аудитории и завоевание у нее абсолютного авторитета. Проблема авторитетного влияния и управления сознанием лежит у истоков формирования понятия авторство.

«Если обратиться к этимологии слов автор и авторитет – пишет С.С. Аверинцев – мы увидим, что оба слова восходят к латинскому глаголу «augeo», означавшему «действие, присутствующее в первую очередь богам как источникам космической инициативы: «приумножаю», «содействую», но также и просто «учиняю» – привожу нечто в бытие или же увеличиваю весомость, объем или потенцию уже существующего» [1]. Подобный десонанс, являющийся залогом успешного восприятия и прочтения произведения, активно практиковался в эпоху античности, где роль автора в творчестве, осознаваемом как вдохновляемая божеством деятельность, сопоставима с ролью правителя, выражающего божественную волю и волю самого народа.

Однако, на этапе современного развития, формирование имиджа автора не может быть осуществимо только лишь за счет наличия авторитетности или же восприятия образа автора, заключенного в рамки произведения. Имиджеологи ежегодно разрабатывают и внедряют в жизнь все новые технологии формирования успешного образа автора, поэтапно выстраивая лестницу к успеху писателя и его творчества. Первым шагом на пути построения имиджа является детальное исследование объекта творческой деятельности – выявление сильных конкурентных сторон, индивидуальных особенностей, возможных недостатков, с целью последующего их устранения. Проанализировав подобным образом личностные характеристики писателя, наступает процесс целеполагания и разработки детального плана задач с указанием срока и ожидаемого результата их выполнения.

Одной из первых воплощаемых в жизнь стратегий является визуализация образа автора – например, публикация фото и видеоматериалов, интервью в СМИ, а также сети Internet. Визуализация объекта творческой деятельности может не совпадать с реальным обликом писателя. Так, в роли широко-узнаваемой и популяризированной метки автора может вступать подпись, комикс или иной завуалированный аватар. Условием, при котором существование подобного образа является частью имиджа автора, становится процесс непрерывной трансляции и тиражирования, обеспечивающий необходимую узнаваемость.

Следующим этапом является определение типа и специфики общения с читательской аудиторией. В зависимости от

личных качеств автора это могут быть публичные выступления, общение посредством социальных сетей и блогов, или же полный отказ от коммуникации с публикой. Здесь же определяется и степень коммуникационного общения с читателем – наличие диалога, возможность обратной связи. В науке укоренилось восприятие автора в биографическом или социологическом смысле, как определенной позиции в историческом каноне, и автора в герменевтическом смысле – его интенции как критерия интерпретации. Однако, с появлением феномена имиджа проблема интерпретации автора, его взаимоотношения с автором приобретают новые грани.

Так, формирование имиджа автора происходит посредством формирования представления о стиле жизни, общественном статусе, о личностных характеристиках читательской аудитории. Рождение спроса на литературный продукт рождает предложение и управляет тенденциями в сфере маркетинга культуры и искусства. Дихотомия «автор – читатель» в современном обществе приобретает новое звучание, и, в отличие от аналогичной оппозиции, озвученной постмодернистами, решается не внутри произведения, а за его пределами, порою до его рождения.

Таким образом, у истоков феномена имиджа находится технология управления вниманием читателя, а само появление стратегий по созданию коммерчески успешного образа автора обязано читательскому спросу. Формирование имиджа автора происходит посредством появления читательского спроса на произведения, отвечающие потребностям и запросам публики. Завоевание аудитории становится необходимым условием реализации стратегий по созданию имиджа автора. Проблема автора и читателя в современной литературе – это решение вопроса о взаимном управлении и конгломерация авторских и читательских целей.

Примечания

1. Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С.105.
2. Андриенко Е.В. Социальная психология. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 141 с.
3. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. – М., 2007. – 464 с.
4. Перельгина Е.Б. Психология имиджа. М.: Аспект Пресс, 2002. – 223 с.

ПОНИМАНИЕ СВОЕГО “Я” В ОБЩЕНИИ С ДРУГИМИ

В начале XXI столетия, когда проблема кризиса культуры как всеобъемлющего явления вновь оказывается актуальной, когда происходит отказ от существовавшей долгое время формы культуры, возникает нарастание потребности в реконструировании своих связей с Целым. Своеобразную трактовку причин культурного кризиса мы находим в культурологических воззрениях Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера, подчеркивающих уникальность, самоидентичность и замкнутость культурных типов, содержание, форма и стиль которых не могут быть переданы по наследству другому, каждая культура вырабатывает их сама для себя.

Развивая мысль ученых, современный философ В. Н. Порус рассуждает о смене устаревающих и изживающих себя культурных форм другими, отвечающими вызовам времени. Не отрицая динамичности культуры, он пытается объяснить, что динамика ее изменений направлена на восстановление всеобщности, утрачиваемой под напором конкретной жизненной действительности – до тех пор, «пока на это хватает «духовных сил», т. е. пока речь вообще идет о культуре [13, с. 414, 411].

Таким образом, формулы новой культуры, абсурдные с точки зрения старой, функционируют, сообщения новой культуры понимаются и принимаются. Находясь в культурном пространстве, человек аккумулирует его в своем внутреннем мире. Воспринимать смыслообраз – означает «потреблять» и пространство, поскольку восприятие пространства является основанием видения мира. Отсюда произрастает одно из основных противоречий современной цивилизации – между все увеличивающимся числом воображаемых пространств как порождением мировых телекоммуникационных систем (виртуальные реальности) и катастрофическим уменьшением эмпирического жизненного пространства индивида (миграция, демографический «взрыв», урбанизация и т.д.). Поэтому, как справедливо отмечает современный французский социолог М. Оже, «весь смысл модернизации сводится к тенденции оторвать человека от того культурного единства, в котором его жизнь черпала смысл в становлении и через него» [12, с. 139].

Человек, полагает Б. Марков, стал стремительно «закатываться за горизонт и взамен его возшло нечто новое, что уже и светилом назвать нельзя, ибо это нечто аморфное, незаметное, и всепроникающее как сама повседневность». Отсюда «налицо кризис идеи человека, кризис ориентирования и как общее следствие... – кризис культуры» [7, с. 133]. Человеку просто не на что опереться (деградация религиозных, национальных ценностей), и в новых условиях существования он, с точки зрения философа, начинает «стремительно маргинализироваться». Марков абсолютно прав, что нежелание посвятить себя служению чему-то возвышенному делают человека пассивным существом, утратившим критическую способность разума. К сожалению, заключает К. Ясперс, люди в такой ситуации «смело отказываются от всякого смысла и объявляют смыслом намеренную бессмыслицу» [17, с. 449].

Находясь в состоянии неопределенности, современный человек мысленно пытается найти ответ на вопрос, где его место и что ему делать, создавая «всеобъемлющую глобальную ментальную картину мира», которая может служить ему «системой координат». Без «внутреннего дела души» не обойтись, говорил Н. В. Гоголь, даже Наполеон высоко оценивал роль духовности для любых свершений, отмечая, что духовная сила человека относится к физической как три к одному. Добавим, что именно из глубинной сущности человеческой природы как атрибут деятельности проистекает и его активность, а активная жизнь человека для Б. Спинозы означает «быть», себя самореализуя.

Человек (социальный субъект) в своих взаимоотношениях с окружающим миром придает миру соотносимую с собственными потребностями организованность, структурирует пространственно. Это частный мир отдельно взятого человека, но на самом деле он является интерсубъективным миром культуры. Мир интерсубъективен, потому что каждый человек, живя среди других людей в одном пространственно-временном поле, создает и накладывает на мир фактов и процессов свой смысловой и ценностно-символический порядок. Используя термин «интерсубъективный» для описания аспектов взаимной связи людей в жизненном мире (Э. Гуссерль) или в мире повседневной жизни, А. Шютц указывает на характерное для человека переживание мира как общего для него и других: «мы не могли бы быть личностями не только

для других, но даже и для самих себя, если бы не обнаруживали общей для нас и других людей среды, выступающей в качестве коррелята интенциональной взаимосвязи наших сознаваемых жизней. Эта общая сфера формируется путем взаимного понимания, которое в свою очередь основывается на том, что субъекты взаимно мотивируют друг друга в своих духовных проявлениях. Социальность конституируется как результат коммуникативных актов, в которых «я» обращается к «другому», постигая его как личность, которая обращена к нему самому, причем оба понимают это» [18, с. 28-29].

О необходимости услышать и понять «Другого» пишет Н. И. Воронина, понимая, что «проблематика диалога – это, может быть, самая универсальная и одновременно самая интимная проблематика человеческого бытия» [4, с. 29]. Подтверждение этому находим у М. М. Бахтина, считающего, что «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними как бы начинается *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов...» [2, с. 354]. Уверены, что феномен диалога смыслов кроется в возможности найти ответы на волнующие наших современников вопросы, поскольку «при такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [там же].

Основой подобного диалога может служить творчество конкретной личности, например, Н. П. Огарева, обрастающее «в процессе своей посмертной жизни» «новыми значениями, новыми смыслами» [там же, с. 350]. «Просвещеннейший человек своего времени, обладающий энциклопедической образованностью», Огарев явился «характерной фигурой тех лет», сумев отразить в своей деятельности «передовые художественно-эстетические воззрения, а в музыкальном творчестве – основные тенденции бытовой музыки XIX в.». Творческий процесс этой уникальной личности, пишет Воронина, занимающаяся изучением «духовной реальности» Огарева, протекал при активном участии не только мысли и чувства, фантазии и эмоций, но, что особенно ценно, «исторической памяти, которая основывается на прошлом культурном опыте» [3, с. 151-152]. Все это доказывает еще раз мысль Бахтина, что «произведение не может жить в будущих веках, если оно не вбрало в себя как-то прошлых веков». О том же, по сути, го-

ворит и М. Хайдеггер, указывая на «взаимопринадлежность поэзии и мысли», чье «схождение» имеет «давнее происхождение», это то «предписание, в которое издревле вписаны судьбы нашего исторического бытия» [15, с. 312]. Любое произведение «*чреват*о смыслами» (не только «исторически», но и «трансисторическими»), рассуждает Р. Барт, именно «*уклончивостью*» и «неухватностью» смысла он объясняет способность произведения, с одной стороны, «задавать миру вопросы (расшатывая устойчивые смыслы, опирающиеся на верования, идеологию и здравый смысл людей), и при том не отвечать на них (ни одно произведение не является «догматическим»), а с другой стороны, оно бесконечно открыто для новых расшифровок». Через произведение, подчеркивает Барт, завязывается диалог исторических эпох, в котором необходимо «читать» истину прошлого или истину «другого», а не заниматься «созиданием мыслительного пространства настоящих дней» [1, с. 250-251].

Поскольку тексты Огарева (литературные, художественные, музыкальные и др.) «при их философичности, сосредоточенности на осмыслении драматизма бытия очень конкретны, богаты зримыми, подчас неожиданными деталями» – это «редкостный материал для постижения российской ментальности, образа жизни, духовности, творчества» [3, с. 5].

Размышляя о новой культуре общения, формирующейся «в глубинной идее диалога», Ю.В. Вострякова настаивает, что «мышление и бытие другого человека не только углублено в каждом из нас, оно – это иное мышление, иное сознание, внутренне засушное для нашего бытия» [См. 15]. Решая задачу индивидуального и «вместе с тем общительного *присвоения* культурного опыта, человек превращает любые формы своей детерминации в *самодетерминацию*», где всегда присутствует другой. Эта «общительная природа освоения в культуре представленной истории настолько существенна, объясняет А. Ю. Шеманов, что индивид уже внутри себя несет ориентацию на другого. Он внутренне открыт к нему, внутренне общителен, и поэтому обнаруживает и себя самого». Именно Другой, уверен ученый, «открывает человеку уникальный путь к себе, реализуемый лишь в диалоге» [16, с. 122]. Вот почему, на наш взгляд, важно суметь раскрыть и использовать в повседневной жизни огромные смысловые возможности, заложенные в каждой культурной эпохе.

Одним из направлений бегства от «культурных универсалий», по мысли Поруса, является поворот в научных кругах к «повседневности» – речевой, поведенческой и духовной. С легкой руки Щютца, констатирует он, начали писать Повседневность с заглавной буквы, объявив ее высшей реальностью. Комментируя слова А. И. Лучанкина о смысле всех слов (в первую очередь тех, уточняет Порус, что выражают универсалии культуры), отданных на суд индивидуальному сознанию, ученый объясняет, что суд этот окончательный, «ведь над индивидуальностью с ее обыденностью никакой высшей инстанции нет». Отвечая на вопрос Лучанкина, возможен ли не уединенный человек в общем месте и без маски (для уединенного человека общество везде и всегда чужое), Порус пишет, что «уединенная в своей обыденности «духовность» чужого всем и каждому человека – это уже не гордая в своей возвышенной обреченности духовность бунтаря, это безнадежность иного рода – «сингулярность», отринувшая даже возможность надежды на понимание «другого» за рамками пустых, как выеденное яйцо, «со-бытий» повседневности» [13, с. 422]. Но сам ученый признает, что не все «разделяют подобные оценки повседневности», и приводит точку зрения И. Т. Касавина, согласно которой, повседневность образует «безусловные предпосылки и во многом конечную сферу приложения всех остальных форм существования и деятельности людей. Однако и по форме, и по содержанию обыденность отличается от разных, но по сравнению с нею одинаково манящих/пугающих порывов человека к свободе (выбора, творчества, самовоплощения или (и) саморазрушения)...» [Цит. по: 13, с. 424]. Никому не удастся надолго покинуть свою бытийную «родину»-повседневность, но, ограничиваясь ее пределами (по собственной или чужой воле), уверен Касавин, личность «примитивизируется».

К счастью, по справедливому замечанию Поруса, резко отгородить повседневность от культуры невозможно. Он глубоко убежден, что повседневность, взбунтовавшаяся против культурных универсалий, – это «самодовольное и часто свинское *пребывание* либо разрушительное, уничтожающее личность *самоотречение*, растворенное в череде происшествий, столь же бессмысленных, как и их отсутствие» [там же, с. 426].

Исследуя обыденную жизнь как «человеческий мир» или «один из человеческих миров», которые могут быть нам акту-

ально даны, современный философ Е. В. Золотухина-Аболина констатирует, что повседневность поглощает нас, «проникает в каждое движение, неприметно диктует способы реагирования и действия...» [6, с. 26]. Повседневность – это бодрствующее напряженное внимание к жизни, для нее характерна деятельность по выдвиганию и реализации проектов. Х. Тхагапсоев объясняет, что официальный мир – «мир идентичностей», создаваемых (конструируемых), распознаваемых и интерпретируемых в повседневной жизни в актах коммуникации, интеракции и деятельности людей. Более того, по утверждению ученого, знаменем времени ныне стала активная демонстрация всевозможными малыми группами своих идентичностей [14].

Вставая на защиту повседневности, добавим, что именно она диктует человеку «правила игры». От повседневности нельзя никуда уйти, она держит всех в плену; считаться с ней, осмысливать ее должен каждый. Именно повседневность как базисная реальность дает то исходное осмысление «Я», которое затем подтверждается, трансформируется, опровергается в иных жизненных мирах. Повседневность – пространство решения жизненных задач, т.е. область, в которой я действую и осознаю себя действующим [См. подробнее: 11].

В XX в. человечество оказалось перед лицом многих проблем и противоречивых тенденций, ломающих институциональные структуры, нарушающих привычный порядок повседневности, изменяющих человеческое сознание. Естественный для человеческой природы способ устраивать свою жизнь, соотнося себя с окружающим пространством, идентифицируясь с субъективно наиболее значимыми его локусами, приводит к глубоким трансформациям внутреннего пространства субъекта.

Культура жива, если люди признают над собой власть ее «универсалий». Это, помимо прочего означает, что «с известных пор «культура» и «человек» – понятия соотносительные: мы люди, пока наше бытие определено культурой, но бытие культуры определено нашими духовными усилиями, и потому неправы те, кто полагают, будто культуры возникают и умирают по каким-то совершенно не зависящим от наших воль, мыслей и действий причинам» [13, с. 413]. Продолжая мысль ученого, добавим, что наша действительность на самом деле не представляет нечто прочное и инвариантное; ее

самодостаточности противостоит текущий саморазвивающийся процесс, открывающийся в сознании субъекта. Человек создает свой контекст мира, он сам непосредственно включен в существующую действительность, поэтому одновременно изменяет как действительность, так и себя. [См. подробнее: 10]. Единственная возможность, заявляет А. Камю, сохранить человеческое достоинство в абсурдной действительности – бунт. Но для Камю бунтующий человек – это культура, сжатая до индивида, это призыв найти внутри человеческого духа основания, на которых можно устоять перед отчаянием.

Итак, для России начала XXI характерны переходный период, кризис культуры и идентичности. Под воздействием социально-экономических и политических катаклизмов у большинства россиян произошли изменения на всех уровнях и в сферах повседневного бытия: во взаимоотношении с ближайшим и дальним окружением, в самоопределении индивидов в жизненном пространстве и многое другое, что может быть определено как кризис идентичности. Обрушение связей между ценностями культуры и ориентациями индивидуального бытия, точки зрения Поруса, и есть культурная катастрофа [13, с. 426]. Распад *сущности* человека на осколки, из которых, «жажда жизни», ползая на коленках, пытается собрать муляжи *существования* – вот, настаивает ученый, подлинная причина «смерти человека», поскольку жажда жизни, освобожденная от культурных форм, является величайшей опасностью для самой жизни. Но С. С. Неретина объясняет, что сегодня мы вправе поставить вопрос не о конце жизни, не о смерти человека, а о конце культуры «как явления, имевшего свое начало и соответственно долженствующего иметь свой конец» [8, с. 45]. Она уверена, что сейчас, в эпоху переходности, необходимо требуется критика культурного разума – «это «складка», которая еще топорщится, но, может быть, тут обнаружится новая мораль, основанная на свободной энергии жажды жизни, напрягающей все известные и неизвестные формы рефлексии [там же, с. 46]. В споре между различными культурными основаниями сама идея культуры не угаснет, заявляет Порус. Он подчеркивает, что есть шанс хотя бы остановить деструктивные процессы и предлагает в сложившейся ситуации «ожить катастрофу». Ожить катастрофу, поясняет философ, – значит «принять на себя ответственность за нее, отказаться от пошлой роли зевак или комментаторов» [13, с. 433].

Вступая в диалог с учеными, добавим, что тот, кто мыслит, кто задается вопросом, что же скрывается на самом деле под обманчивым покровом современности в нашем странном мире, никогда не сможет почувствовать себя хотя бы относительно уютно, никогда не примет этот мир за «нормальный». Именно отсутствие сегодня сколько-нибудь определенной и целостной концепции бытия («картины мира»), повлекшее за собой интенсификацию интереса человека к самому себе, пересмотру своих границ, возможностей, целей и смыслов существования, и привели в итоге, среди прочего, к рождению нового типа индивидуальности, к возникновению не существующих до этого культурных «норм». Попытка вылепить одного-единственного субъекта культуры не удалась, поскольку, объясняют С.С. Неретина и А.П. Огурцов, реально этот субъект многообразен, представляя собой множество монад – от личности до этноса, «именно такой субъект и восстал против тоталитаризма и идеологичности» [9, с. 340]. Но, убеждает Золотухина-Аболина, к сожалению, мы никак не можем выступить в роли абсолютно свободных монад и абсолютно индивидуальных уникамов, поскольку в повседневности мы ориентированы на «значимых других», а значит, глубоко социальны. Но любой субъект, не появился бы как оригинальная личность без ряда, из которого он выступает и с которым он соотносен. Он формирует свою индивидуальность, лишь отождествляясь с другими и «размежеваясь с ними» [6, с. 13].

На наш взгляд, всякое проявление себя, как шаг к самопознанию, требует воли, усилия. Воля человека влияет на выбор цели, на подавление эмоций, на отбор способов достижения цели и т.д. С одной стороны, для изменения человека недостаточно только воли и стремления к совершенству, с другой, – потребность в самоидентичности настолько важна, что человек не может чувствовать себя здоровым, если он не найдет возможность ее удовлетворить. Принадлежа среде, принимая решения и действуя в рамках социума, будучи ограниченной со стороны других личностей, сама по себе она противостоит среде, ее окружающей, так как по сути своей личность самостоятельна в занятиях, в решениях. Поддерживаем Неретину и Огурцова, утверждающих, что через свободу и можно определить того нового человека, о котором грезили многие современные философы.

Примечания

1. Барт, Р. Нулевая степень письма [Пер. с фр.] / Р. Барт. – М.: Академический Проспект, 2008. – 431 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство. – 1979. – 424 с.
3. Воронина, Н. И. Н. П. Огарев: неисчерпаемость личности / Н. И. Воронина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 168 с.
4. Воронина, Н. И. Телерантность процесса идентификации / Н. И. Воронина // Гуманитарные науки и образование. – № 1 (1) (январь–март). – 2010. – С. 28-31.
5. Вострякова, Ю. В. Проблемы познания в диалоговом пространстве современной культуры / Ю. В. Вострякова // Философско-методологические проблемы науки и техники. – Самара, 1988. – С. 78-81.
6. Золотухина-Аболина, Е. В. Повседневность: философские загадки / Е. В. Золотухина-Аболина. – К.: Ника-Центр, 2006. – 256 с.
7. Марков, Б. Знание, власть, капитал и либидо / Б. Марков // Парадигмы философствования: Вторые междуна. философ.-культурол. чтения. – (10-15 августа 1995, С.-П.). Вып. 2. – С.-П.: ФКИЦ «Эйдос», 1995. – С. 133-139.
8. Неретина, С. С. Современность – это гностицизм? / С. С. Неретина // Философский факультет. Ежегодник – 2001. – № 2. – М., 2001. – С. 36-47.
9. Неретина, С. С., Огурцов, А. П. Время культуры / С. С. Неретина, А. П. Огурцов. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 344 с.
10. Новикова, Н. Л. Идентификация человека в координатах городского пространства / Н. Л. Новикова // «The city and Time»/«Город и время»: интернациональ. науч. альманах “Life Sciences”: в 2-х т. – Самара–Париж–Дюссельдорф: «ООО Самара», 2012. – Т. II. – С. 69-75
11. Новикова Н. Л. Проблема сопряжения обыденной культуры и личности / Н. Л. Новикова // Многообразии культурных миров: Научная школа профессора Н. И. Ворониной. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – С. 101-114.
12. Оже М. Криза сенсу в сучасному свуту / М. Оже // Фулософська у соцуологична думка. – 1995. – № 6. – С. 138-141.
13. Порус, В. Н. У края культуры (философские очерки) / В. Н. Порус. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 464 с.
14. Тхагапсоев, Х. Идентичность как философская категория и мера социального бытия / Тхагапсоев Х // Философские науки. – 2011. – № 1. – С. 10-25 // kavkazoved.info.
15. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
16. Шеманов, А. Ю. Проблема самоидентификации, как предмет исследования / А. Ю. Шеманов // Постижение культуры. – М., 1998. – С. 177-181.
17. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
18. Schutz, A. The Problem of Social Reality / A. Schutz // Collected Papers. – Vol. 1. Nijhoff, The Hague. 1971. – P. 28-29.

Часть III

Н.П. ОГАРЕВУ 200 ЛЕТ

Именно сегодня, когда Огареву 200, мы начали по-настоящему видеть, слышать, прочитывать и оценивать его деяния, его жизнь, его творчество. Чеховские герои часто задумывались о времени, заглядывая в будущее на тысячу и даже двести тысяч лет – каким будет человек, в чем будет его счастье. Пока Огареву только (или уже) 200, но юбилейное приближение к этой дате не добавило оконченности. Огарев настолько велик и настолько глубок, что любое приближение лишь отдаляет его снова и, даже открывая новые грани, оставляет его человеком-тайной.

К сожалению, в XXI в. пока не появились работы, посвященные всестороннему изучению духовной реальности Огарева. Не сняты о нем ни художественный, ни документальный фильмы. Не оценены по достоинству и его письма, глубокие, умные, порой изящные, до слез трогающие своим лиризмом. Вообще тексты Огарева при их философичности, сосредоточенности на осмыслении драматизма бытия, очень конкретны, богаты зримыми, подчас неожиданными деталями не только из научной и политической, но и из художественной и музыкальной жизни. Это редкостный материал для постижения российской ментальности, образа жизни, духовности, творчества.

Друзья и единомышленники «огаревского дома» – это целый мир, рожденный широким русским гостеприимством и неугасимым интересом к людям. Этих людей буквально притягивал его магнетизм, неотразимое обаяние – однажды войдя в мир Огарева, уже не можешь расстаться с ним. Это богатейший духовный мир, наполненный литературным, художественным, музыкальным творчеством, эмоциональными и психологическими переживаниями и культурно-философскими размышлениями.

Он сам нередко впадал в раздумье: чего в нем больше, поэта или музыканта. Напомним его сокровенные признания из писем: «...Герцен! твое присутствие становится для меня необходимым. Твоя душа мне необходима. Кому скажу я все, что волнуется в душе. Я хочу быть живописцем. Это очень приятное препровождение времени. Я хочу быть музыкантом.

Это очень приятно в обществе...» [1, с.718]. «Быть поэтом, стихотворцем ли, или музыкантом, alles eins (все равно – нем.), но я чувствую необходимость жить в этой мысли...» [2, с.714]. «...Я сын поэзии, предаюсь искусствам, и люди столпились смотреть на мои произведения... Науки, стихотворство, музыка, театр, все, что только возвышает человека до жизни творческой, все должно жить вокруг нас...» [3, с. 716].

Однако имя Огарева больше известно в связи с его поэтической и политической деятельностью. Действительно, перед нами оригинальный поэт и мыслитель. И первая русская бесцензурная газета «Колокол», издававшаяся по инициативе Огарева в Вольной русской типографии А.И. Герцена, нарушила «рабье молчание» в России, встала «горой за освобождение крестьян» от крепостнической неволи.

Но этим не ограничивался круг интересов Огарева. «Ник, – как вспоминает Т.П. Пассек, – постоянно был занят, кроме многостороннего чтения и музыки, он изучал физиологию, физику, химию, математику, медицину, политические науки и даже очень успешно лечил народ, живши в Яхонтове [4, с. 597] » [5].

Его «любопытство и жажда расширить круг своих познаний.... достигали поразительных размеров» [6, с. 57-58], – свидетельство еще одного современника о разнообразии интересов и широте деятельности Николая Платоновича.

А.И. Герцен еще при жизни оценил талант и величие своего друга, говоря в письме к Н.А. Захарьиной: «Как высок и необъятно высок Огарев, этого сказать нельзя; перед этим человеком добровольно склонил бы я голову, ежели бы он не был нераздельною частью меня. Этот человек вполне, весь принадлежит идее и общей деятельности; что для него жизнь, богатство...» [7, с. 38 - 39].

Популярность Н. П. Огарева особенно возросла в 80–90-х гг. ХХ в. в связи со значительными переменами в мире, с утверждением нового мышления и с большей свободой передвижения внутри Европы. В Россию были переданы ценные документы, письма, личные вещи, музыкальные сочинения, дневники Н. П. Огарева, которые хранили в Англии и Франции родственники А. И. Герцена. На основе этих и других

материалов в начале 1999 г. вышел новый том «Литературного наследства» в двух книгах (№ 99) «Герцен и Огарев в кругу родных и друзей», которые очищены от официоза и передают в своих материалах необычайную открытость Огарева.

Исследования об Огареве многочисленны: философские, экономические, политические, искусствоведческие, литературоведческие, исторические и т.д. Но нет главного – раскрытия человеческой сущности Огарева, аксиологической мотивации его поступков. «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком», – писал Ф. М. Достоевский.

Такой тайной до сего времени является судьба Огарева, которая, прямо скажем, была к нему немилосердна.

В. Соловьев говорил: «Судьба – предмет, хотя не материальный, но, тем не менее, вполне действенный. Слишком очевидно, что власть человека, хотя бы самого упорного и энергичного над ходом и исходом его жизни имеет очень тесные пределы»: Попробуем приоткрыть завесу и выделить три линии в судьбе Огарева.

Первая – житейская. Около двух лет от роду он потерял мать, в двадцать один год был арестован по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи», побывал в одиночной камере; в двадцать два – был сослан из Москвы в Пензу под надзор отца и местного начальства; в сорок три вынужден был эмигрировать в Англию; в сорок семь был лишен российского гражданства.

Вторая линия судьбы – интимная. В 1836 г. в Пензе Огарев женился на Марии Львовне Рославлевой, отдав ей весь жар сердца, всю любовь, но, увы, не получив ответа. В 1844 г. они расстались. Новая любовь к Наталье Алексеевне Тучковой приходит вскоре, но и она, пылкая и романтическая вначале, закончилась трагедией. Исследователи-огареведы и литературоведы заостряют внимание на лондонской драме Огарева, Герцена и Тучковой, но явно недооценивают в этой непростой житейской ситуации единственную благополучную сторону – самого Огарева и его поведение. Он оставил любимую жену, с которой вместе эмигрировал из России, но сохранил дружбу и с Тучковой, и с Герценом, более того, принял на себя заботу об их детях. Третий брак, с англичан-

кой Мери Сетерленд, длившийся 17 лет, до кончины Огарева, внес в его жизнь спокойствие, но не дал счастья отцовства, хотя детей Огарев любил более всего на свете, потому и отдавал любовь детям Герцена и сыну Мери Сетерленд Генри.

Личная трагедия Огарева усугублялась неизлечимыми болезнями, которые мучили его всю вторую половину жизни. Эти биографические подробности могут показаться излишними в оценке его личности, мелкими на фоне колоссального творческого наследия Огарева и его деяний. Но ведь из таких ничтожных культурных мелочей слагалась «та окружающая среда, в которой талант растет или погибает», — находим мы у Д. Мережковского. Огарев действительно не раз находился на краю гибели. Казалось бы, — вот предел, дальше которого идти некуда. Но в том и заключалось величие этой личности, что выход всегда находился. Поэтому было бы несправедливо делать из Огарева страдальца, винить «свет», жен, друзей. Огарев, благодаря великой дружбе (а друзья любили его, их было всегда очень много и в России, и в эмиграции), преодолевал душевный разлад, следствие своих внутренних бурь.

И третья линия судьбы, связанная с социально-географическими житейскими перекрестками, главным из которых стала Россия, мордовская земля, село Старое Акшино. Где бы ни находился Огарев, он возвращался на заповедную землю.

Родился в Петербурге (1813), детство провел в Старом Акшине (1815-1820). Учился в Москве (1820-1835), сослан был в Пензу (1835-1839). Путешествовал по Европе (1841-1846), после чего целое десятилетие провел в Старом Акшине (1846-1856). Эмигрировал в Англию (1856), но через сто десять лет ровно (1966) его прах вновь вернулся на российскую землю, на Новодевичье кладбище в Москве. Он возвратился в Россию, но он вернулся и на мордовскую землю, своими мыслями и идеями оплодотворяя целое поколение. Только в Мордовском университете защищено по творчеству Огарева более десяти докторских диссертаций, более десяти кандидатских, выпущено около десяти монографий, несколько сборников материалов о нем, пять выпусков библиографических указателей и многое другое. В университете регу-

лярно проходят Огаревские чтения – ежегодные в форме отчета всех научно-педагогических подразделений и межрегиональные – в форме специальных конференций, проходящих под знаком преемственности идей Огарева в гуманитарных науках. Уже сегодня есть попытка не только по-новому, но и целостно представить совокупность научных положений и принципов Огарева, дать этим принципам верную общеметодологическую интерпретацию; вводятся в научный обиход новые материалы жизни и творчества Огарева (а такие открываются в хранилищах и архивах до сих пор); рассмотреть в перспективе и преемственности оригинальные идеи мыслителя в диалоге культур. А главное – создается новая ориентация в раскрытии поступков конкретного человека, Николая Платоновича Огарева, в оценке его благотворительной и меценатской деятельности, педагогических опытов, социальной работы.

Село Старое Акишино расположено в тридцати километрах от города Саранска (бывший Инсарский уезд Пензенской губернии, ныне Старошайговский район Республики Мордовия). В этом родовом имении Огарев прожил более пятнадцати лет.

Таким образом, Старое Акишино и мордовская земля стали для него своеобразной столицей, своим Парижем, центром Вселенной, где он осуществлял целый ряд социальных проектов:

1. Ввел вольнонаемный труд, имея целью на базе индустриализации деревни уничтожить барщину и «организовать фермерского типа сельскохозяйственное производство с системой «зарплатного труда».

2. Построил суконную фабрику в Старом Акишине, винокурный завод в Каменке и сахарный в Русском Баймакове, полагая, что фабрично-заводской труд крепостных мужиков не только улучшит их благосостояние, но и изменит психологию. Кстати, Огарев сам осваивал рабочие профессии, о чем писал Герцену: «...Я просто хочу приняться на заводах за работу, переходя от черновой в должность мастера».

3. Собирался строить барку для сплава продукции, для чего затребовал у друзей книгу о построении речных судов. Герцен шутливо называл Огарева акшинским «пленипатенциарием, агрономом и заводчиком», который стремился при-

умножить капитал, но, увы, не только не приумножил, но и порядком разорился.

4. В Старом Акшине Огарев разработал проект народной политехнической школы, элементы которой успешно внедрял в практику. А цель ее, во-первых, утверждение в народе «личного достоинства... чести, права и гражданства», а во-вторых – «развитие у крестьян научных, материалистических взглядов на явления окружающего мира – природы и общества...». Здесь же он открыл больницу для крестьян и сам лечил больных, проявляя огромный интерес к анатомии, медицине, химии, создав и химическую лабораторию, и анатомичку для «частного вскрытия животных».

5. В Старом Акшине успешно продолжалось идейно-творческое развитие Огарева. Практически здесь началась его публицистическая и композиторская деятельность. Он писал статьи о деревенской жизни и жизни провинциала, экономические и статистические опыты распределения «Российской империи», публикуя их в журналах. Он сочинял музыку в духе времени, посвящая свои миниатюры Н. А. Тучковой, которая жила в соседнем имении. Продолжалось литературное творчество: написаны поэмы «Господин», «Деревня», лирический цикл «Монологи», множество стихотворений. Отсюда и сюда летело бесчисленное количество писем. Эти эпистолярные циклы заменяли тогда все – и выступления в печати, и трибуну, и публицистику, и личное общение. Из них выростала в дальнейшем картина эпохи со всеми мельчайшими подробностями, как выразился М. Гершензон – «умственное движение целой России».

6. Здесь же, в Старом Акшине Огарев собирал друзей-интеллектуалов, соседей по поместью для дружеских бесед, для общения с книгой (а библиотека была богатейшая, и сегодня нами найден ее каталог) и с художественными полотнами, оставшимися от отца, и для музицирования. Все интеллектуальные и природные ценности (сад, парк, сиреневую и липовую аллеи, семь прудов, мостики и т.д.) он сохранил и передал Н. М. Сатину.

Таким образом, в середине XIX в. старинная барская усадьба Старое Акшино становится духовным центром, «гнездом» высокой культуры, к сожалению, разрушенным после революции. И пусть многие проекты не осуществились до конца, были утопичны, а реформаторская деятель-

ность Огарева вызывала недоверие у крестьян («*Мужик мой только увидал, / И молча мне не доверял / И долго я на убежденье / Напрасно тратил время и терпенье*»). Старое Акшино в жизни Огарева – это своеобразная «Мекка», где он не только сам возвышал себя до жизни человеческой, но пытался приобщать к высокой духовности всех живших рядом и в округе, создавая многообразную духовную реальность.

Прошло 200 лет со дня рождения Николая Платоновича Огарева. «Десятилетие в истории и культуре – не то же самое, что десятилетие в календаре. Оно длится не десять лет, а столько, сколько длится тот сгусток культурно-исторического воздуха, который составил его существо: «люди сороковых годов» - Герцен и Огарев, Белинский и Грановский – заполняли авансцену русской культуры с середины 1830-х до середины 1850-х.», – пишет Г. С. Кнабе [8, с. 1047]. Переехав в Англию, Герцен и Огарев продолжали еще в течение почти двадцати лет питать русскую мысль, литературу, искусство «жизнесмыслами» своего «Я». Этот «сгусток» и сегодня не потерял актуальность. И время сегодня не просто позволяет, но и требует изменить осмысление не только российской культуры в целом, но и взгляд на ее творцов, на их портретные характеристики и биографии.

В новом измерении явление Огарева культурному миру похоже на откровение. Так же, как сегодня, в начале XXI в. «вдруг обнаруживаем, – как пишет И. И. Гарин в книге «Поэты и пророки», – что мы ничего не знаем о Толстом, самом великом и потому самом оболганном писателе России». Не сказано и об Огареве самое главное. Загадка его личности – это он сам. Наша задача сегодня – деидеологизировать его, представить во всей многоликости, восстановив облик великого «духовидца».

В бывшей усадьбе поэта в 70-80-е гг. XX в. были развернуты работы по восстановлению дома, всех прудов и построек, существовавших при жизни Огарева. Перемены в обществе приостановили эти работы, и теперь остается надежда, что они возобновятся, и Старое Акшино будет привлекать как культурный центр с богатыми традициями российской интеллигенции. Сегодня лишь редкие праздники поэзии проводятся в селах Старое Акшино и Новое Акшино в день памяти Огарева (второе воскресенье июня).

В заключении скажу, что юбилей Огарева вне времени, об этом говорят со-бытия замечательной жизни. Обращусь еще раз к словам Чехова: «Я верую в отдельных людей, вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по России там и сям... В них сила, хоть их и мало».

Я думаю, что каждый из нас гордится именем огаревца, именем выдающегося ученого-философа, экономиста, политика, замечательного поэта и человека, истинного российского интеллигента.

Примечания

1. Н. П. Огарев к А. И. Герцену от 26 августа 1833 г. // Лит. наследство.– М., 1953. Т. 61.
2. Из письма от 7 июня 1833 // Там же.
3. Из письма от 29 июля 1833 // Там же.
4. Пассек Т. П. Из дальних лет. – М., 1963. Т. 2.
5. Яхонтово – имение А. А. Тучкова (отца жены Огарева), находившееся в Пензенской губернии, теперь село Долгоруково Иссинского района Пензенской области.
6. П. В. Анненков и его друзья. – СПб., 1892.
7. Герцен А.И. Полн. собр. соч.: в 30 т. – М., 1956.
8. Кнабе Георгий. Диагноз нашего времени // Избранные труды: Теория и история культуры. – М., 2006.

«ТАМ ПРОТЕКАЛА ЖИЗНЬ МОЯ...»: СЕРИЯ ПЕЙЗАЖЕЙ НИКОЛАЯ РОЖКОВА «ПО МЕСТАМ ЖИЗНИ Н.П. ОГАРЕВА»

Музей Н.П. Огарева в Мордовском госуниверситете начал формироваться под руководством профессора, доктора филологических наук С.С. Конкина в 1971 г., а 1978 г. (когда сложилась его первая экспозиция) считается годом открытия единственного в стране мемориального музея, посвященного жизни и творчеству выдающегося деятеля отечественной культуры – поэта, философа, музыканта, революционера-демократа. Среди множества экспонатов, составляющих сегодня музейную коллекцию – подлинных старинных вещей, журналов и книг, мебели огаревского времени, графических, скульптурных и живописных произведений – можно выделить серию картин, написанных заслуженным художником Мордовии пейзажистом Николаем Петровичем Рожковым (1937-2013). Она объединена благородным стрем-

лением мастера запечатлеть те реальные географические пространства мордовско-пензенского края и Рязанской области, «гением места» которых стал Николай Платонович Огарев.

Серию пейзажных картин для музея Огарева была заказана Рожкову Семеном Семеновичем Конкиным, который заинтересовал художника необычной темой, привлек к исследовательской работе, сам участвовал в творческом процессе, выезжая вместе с живописцем в памятные огаревские места. Пейзажная серия малочисленна по количеству произведений и состоит из девяти работ. История их создания начинается во второй половине 70-х годов, первая композиция – «Золотая осень в Старом Акшине» относится к 1978 г. Однако первый этюд, связанный со старо-акшинским ландшафтом, но не принадлежащий музею – «Наташин сад в Старом Акшине», написан художником в 1976 г. Почти десять лет (1978 – 1987) музейная пейзажная серия не отпускала внимания Н.П. Рожкова. Опираясь на даты создания, пейзажи можно выстроить в хронологический ряд, который свидетельствует о значимости мемориального пространства, как в жизни самого Огарева, так и в памяти потомков.

Первый творческий этап в создании серии «По местам жизни Н.П. Огарева» у Рожкова связан с селом Старое Акшино, в котором находилось родовое имение Н.П. Огарева. Художник посвятил ему три пейзажа. Первый – «Золотая осень в Старом Акшине», написан в 1978 г., два других – в 1980 г. Затем живописец неоднократно обращался к образу дорогого культурного пространства, последнее из которых было в 1993 г., когда он написал пейзаж «Солнечный день в Старом Акшине» (частное собрание).

Старинное село, возникшее во второй половине XVI в., почти не сохранило рукотворных следов своего развития. Ничего не осталось от большого господского дома, построенного дедами Николая Платоновича Богданом Ильичом Огаревым, давно погиб фруктовый сад, стерлись приметы суконной фабрики и двух винокуренных заводов. Варварски разобран храм, построенный в 1784 г. Остались лишь два яруса от высокой кирпичной колокольни, доминировавшей когда-то над близлежащим ландшафтом, заросшая липово-лиственничная аллея барского парка, каскад из шести прудов, помнящих Огаревых и несколько одиноких могил на бывшем церковном погосте,

среди которых и могила второй жены Николая Платоновича – Натальи Алексеевны Тучковой-Огаревой. По парадоксальному совпадению, именно сохранившимся староакшинским прудам посвятил Огарев большинство стихотворных воспоминаний: «С каким, бывало, наслаждением / На дом, на сад, на пруд глядел / Какую к ним любовь имел...»; «Хорош мой тихий, светлый пруд. / В него глядится месяц бледный...»; «Бродить я по саду любил; / Сидеть на берегу пруда...»; «Впросонках гуси на пруду / Кричали над волнами...»; «Когда настанет вечер ясный, / Люблю на берегу пруда / Смотреть, как гаснет день прекрасный / И загорается звезда...».

Все три пейзажа, хранящихся в музее Н.П. Огарева Мордовского госуниверситета, лишь с натяжкой можно отнести к жанру живописной реконструкции. Рожков зафиксировал сложившийся на протяжении нескольких веков культурный ландшафт, существующий в конце XX столетия. Он мемориальный, но не музейный, и эту грань очень тонко почувствовал художник, пытаясь наполнить свои работы «поэтикой обыкновенного».

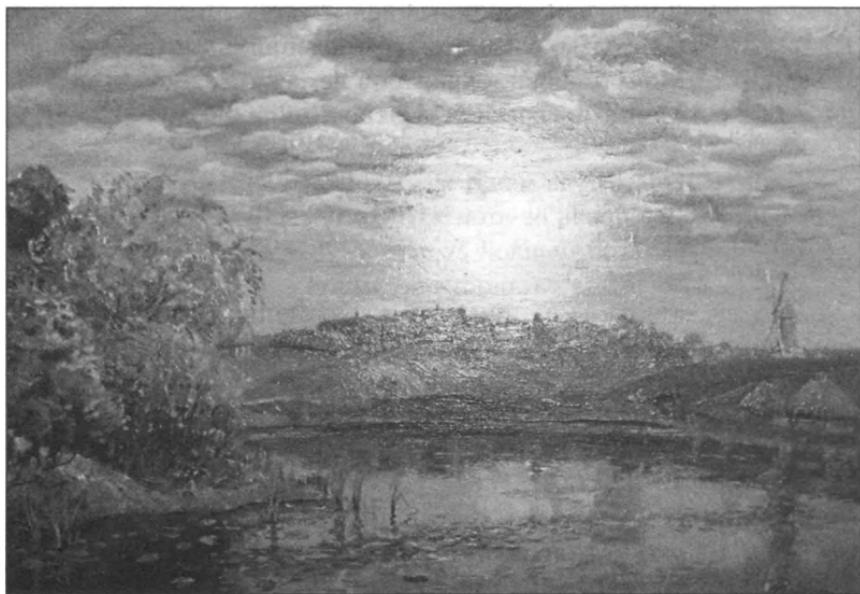
В «Золотой осени в Старом Акшине» (1978) запечатлен Нижний пруд, к нему, от деревенской улицы, спускается проселочная дорога. Женщина привела коров на водопой. Теплое вечернее солнце заливает пейзаж, заставляя золотиться листву прибрежных берез, переливаться зеркало пруда с отражающимися в нем деревьями, светиться косогор с взбирающимися по нему деревенскими избами, розоветь облака. Все спокойно и мирно, повторяемо изо дня в день, обыденно и величаво, вне времени. Художник-лирик, Рожков искренне восхищался выбранными мотивами: «Иногда такую красоту увидишь, что слезы из глаз!» [3, с. 20]. Близки живописной трактовке художника стихотворные строки Огарева:

Но сердцу ближе вы, осенние отливы,
Когда усталый лес на почву сжатой нивы
Свежает с шепотом пожелклые листья,
А солнце позднее с пустынной высоты,
Унынья светлого исполнено, взирает...

Лирико-оптимистическая трактовка характерна для второй пейзажной композиции, хранящейся также в музее –

«В Старом Акшине после полудня» (1980). Художник выбрал для нее неожиданный ракурс, наполненный зримым движением. На первом плане изображена дорога, проложенная по плотине, пересекающей два староакшинских пруда – Длинный и Нижний. Поросшая прибрежным кустарником, дорога разветвляется на другом берегу на две, идущие в разные деревенские уличные концы. Спускающиеся к пруду тропинки разнообразят пейзажную ритмику. Безлюдно, лишь две женщины полощут белье на мостках. Колористическое решение соответствует жаркому летнему дню. Залитая солнцем зелень деревьев и травы приобретает теплые оттенки. Выразительный, во многом рукотворный, рельеф подчеркнут узкой полоской неба, с плывущими по нему кучевыми облаками.

В том же, 1980 году была написана еще одна композиция: «Старое Акшино. Вид с прудом и мельницей». Это один из лучших пейзажей серии, хранящихся в музее. По-видимому, он изображает Фирсов пруд, на берегу которого во времена Огарева стояла большая ветряная мельница: «И мельница, грозя, крылом / Мне издали махала..». Подкова пруда, написанного на первом плане, срезана нижним краем рамы.

Ст. Акшино. Вид с прудом и мельницей. Берег пруда

Слева, в воду редким камышом своеобразным языком врезается берег, заросший кустарником. Его осенняя желто-красная листва трепещет на ветру. Пасмурное небо покрывают летящие сине-серые облака. Холодную серебристую гамму воды неба разбивает зеленый косогор с избами, крытыми соломой. Именно они и мельница сообщают пейзажу характер реконструкции.

Николай Платонович Огарев любил Старое Акшино, оно ассоциировалось замечательным поэтом с детством, близкими людьми – отцом, сестрой, старой бабушкой, воспринималось своей малой родиной, возникало как образ России. Множество пронзительных поэтических строк рождены воспоминаниями о родном и близком пространстве:

Там протекала жизнь моя,
Как вечер ясный, безмятежный...

Хорош мой тихий, светлый пруд.
В него глядится месяц бледный,
И соловьи поют,
И робко шепчет куст прибрежный.

Хорош мой скромный белый дом!
О, сколько сладостных мгновений,
Минут любви я прожил в нем,
Минут прекрасных вдохновений.

Опять туда манят мечты,
Все прочь от этой жизни шумной,
От этой пошлой суеты,
От этой праздности безумной.

Опять душа тоски полна
И просит прежнего покоя;
Привыкла там любить она,
Там гроб отца, там все родное.

Опять они, мои мечты,
О тишине уединенья,
Где в сердце столько теплоты,
И столько грусти и стремленья.

Продолжение серии «По огаревским местам» было связано с селом Проломихой. Николай Петрович Рожков много раз специально ездил в старинное село Инзенского района Ульяновской области, лежащее в необыкновенно живописной местности. Любимые мотивы родной природы – холмистый рельеф, богатый сосновый и смешанный лиственный лес, чистая быстрая полноводная речка, протекающая под высокой горой, весенне-летнее цветение разнотравья на прибрежных лугах, покорили творческое воображение живописца. Собрав все воедино, он написал пейзаж-картину, в котором ощущение естественной жизни природы совпало с повседневными крестьянскими занятиями, в данном случае, с работой на сельской мельнице. Пейзаж «Старая мельница на Тальской фабрике» (1983) – попытка воссоздания мемориального культурного ландшафта, связанного с жизнью Н.П. Огарева. В его основе одновременно лежат натурные этюды и художественная реконструкция. Композиция изначально задумана так, чтобы передать состояние постоянного движения в природе. Извилистая речка, пересекающая холст по диагонали, вьющаяся вдоль нее ухабистая дорога стремятся в синие дали, сливающиеся на горизонте с облачным серо-белесым небом. Кудрявятся старые ветлы по берегам, взмывают в небо сосны на прибрежной горе, крутится мельничное колесо, приводимое в движение бурным потоком воды.

Картинность пейзажу придает жанровая сценка в центре композиции. Около сруба мельницы с лежащими рядом ка-

Старая мельница на Тальской фабрике

Тальская фабрика

менными жерновами – тоже движение: подъехали три телеги, крестьяне разгружают мешки с зерном, заносят их в мельницу.

Сочиненная Рожковым композиция не просто художественная фантазия – она основана на фактах. Известно, что на реке Талке, омывающей барскую усадьбу в Проломихе, стояла писчебумажная фабрика, рядом с которой находился небольшой рабочий поселок – место проживания 570 крепостных «посессионных» крестьян – рабочих фабрики. Огарев, приобретший фабрику в 1848 г., был поражен жестокой эксплуатацией крестьян. Инзенский краевед, рассказывая о реформах Николая Платоновича, пишет и о том, что он оказывал материальную помощь фабричным рабочим и, в том числе «выдавал беднякам помольную муку с мельницы» [1, с. 142]. Таким образом, местная легенда подтверждает существование подобной водяной мельницы во времена Огарева.

Тальской фабрике посвящен большой панорамный пейзаж с одноименным названием, написанный Рожковым в 1983 г. по натурным этюдам и носящий картинный характер. Художник охватил взглядом большое пространство и наполнил его не только особенным природным состоянием, но и множеством содержательных подробностей. В начале 80-х гг. прошлого века, когда создавалась огаревская серия, это было еще возможно. Главная достопримечательность села Проломиха – подлинный барский дом, возведенный в XVIII в. в стиле раннего классицизма и помнящий революционера-реформатора,

философа и поэта, стоял невредим. Известно, что впервые Огарев увидел поместье в 1847 г., купил его вместе с писчебумажной фабрикой осенью того же года и жил там вместе с Натальей Алексеевной Тучковой в 1850-1855 гг.

Красиво вписанный архитектором в природный ландшафт, двухэтажный барский особняк главным фасадом был обращен к реке Тала. Ее петля огибала усадебное пространство, превращая его в своеобразный полуостров. Из окон противоположного фасада открывался вид на поросшие лесом горы, расположенные на другом берегу реки. Рядом с барской усадьбой располагался фабричный поселок, а северо-западнее нее, вдоль берега Талы, находилась сама фабрика.

Рожков запечатлел мемориальную территорию ранней осенью. Ее приметы – стога сена на речном берегу, желтеющая листва деревьев, сумеречное, серо-акварельное небо – навевают состояние лирической грусти. Над горами уже идет дождь, но светится белый дом, отражающийся в быстрой синеголубой воде Талы.

Печальна судьба единственной сохранившейся до конца XX столетия усадьбы Огарева. С 1935 по 1970 г. в просторном строении размещался детский дом, в 80-е годы осенью там квартировали приезжавшие на уборку картошки студенты ульяновских вузов. С 1978 по 1993 г. барский дом числился на балансе ульяновского завода «Искра», которому передали его «для организации базы отдыха трудящихся». Таков контрапункт «доживания» подлинного объекта, пугающий безразличием тех, кто мог бы помочь сохранить ему жизнь. В наше время ценное мемориальное сооружение представляет собой страшную руину с корявой табличкой на зияющей пустыми глазницами окон стене – «Дача Огарева». С благодарностью думаешь о Николае Петровиче Рожкове, оставившем трепетное свидетельство об историко-культурном памятнике.

Усадьба Огарева в Проломихе запечатлена еще на одной одноименной картине известного пейзажиста («Усадьба Огарева в Проломихе»). Ее композиция прочитывается фрагментом предыдущего эпического полотна. Но, в отличие от его детализированного наполнения, живописец сосредоточился только на доме, остался с ним один на один, вывел его главным персонажем, хранящем память о былом времени. В 1850-1855 годы этот дом являлся одним из центров усадебной культуры Симбирской губернии. В его стенах Огарев

Усадьба Н.П. Огарева в Проломихе

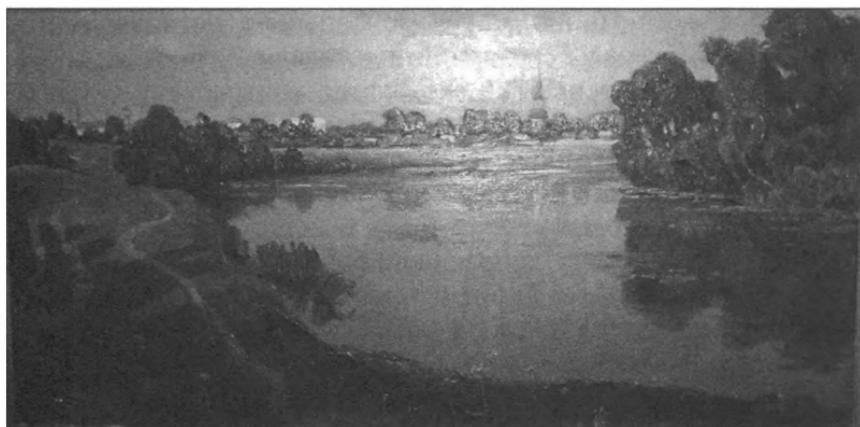
создал замечательные поэтические и музыкальные произведения, среди них поэма «Зимний путь», романс на слова М.Ю. Лермонтова «Тучки небесные». Находясь в Проломихе, Огарев пристально следил за общественной и литературной жизнью страны, регулярно получал «Современник» и другие литературные журналы. Из имени Огарев вел нелегальную переписку с Герценом, находившемся в Лондоне. В Проломихе гостили декабрист А.А. Тучков, композитор В.Н. Кашперов, поэт Н.М. Сатин, брат известного драматурга А.Н. Островского, и другие.

Очевидно, что Николай Петрович Рожков хотел создать глубокий, обобщающий образ, родившийся в долгих размышлениях. Это подтверждает и год написания картины – 1987, через несколько лет после первой поездки в Проломиху. К этому времени Николай Петрович многое узнал об Огареве, изучил архивные материалы о нем, читал стихи, беседовал с одним из главных исследователей творческой биографии поэта и философа С.С. Конкиным. Кроме того, воспитанный в традициях отечественной реалистической пейзажной школы, Рожков знал, что картину нельзя полностью создать с натуры, ее надо пережить и сочинить. Сам художник говорил: «Как

я отношусь к пейзажу... Это как раз такой жанр искусства, который позволяет наиболее непосредственно выразить свои эмоции не как действие, а как переживание, как личное отношение к природе. Это не значит, что нужно переносить на холст все, что видишь, аналогично объективу фотоаппарата. Надо делать выбор» [2, с. 252]. Безусловно, «Усадьба Огарева в Проломихе» основана на натурном материале, и в этом ее документальная ценность. Однако это не быстрый этюд на пленэре, а емкое художественное обобщение.

Большой барский дом, заросший многовековыми деревьями, отражается в речной глади, заросшей у берега кувшинками. Его можно рассмотреть: двухэтажный, прямоугольный в плане особняк с большим балконом над парадным входом, перекрытый четырехскатной крышей, с чердачным мезонином в одно окно. Достоверность облика поддерживается эмоциональным состоянием пейзажа: вечерний закат окрашивает редкие облака и стены дома в сиренево-розовый цвет, бликует на поверхности воды, контражуром на фоне неба выделяет орнамент древесных крон, сглаживает очертания гор. Пейзаж звучит призрачно и правдиво одновременно. Проломиха была последним пристанищем Огарева на родине. В марте 1856 г. поэт покинул Россию: «Покинул я мою страну, где все любил – леса и нивы, снегов немую белизну и вод весенние разливы...».

Старинному селу Рязанской губернии Верхний Белоомут, известному с начала XVII в., Николай Петрович Рожков

Верхний Белоомут

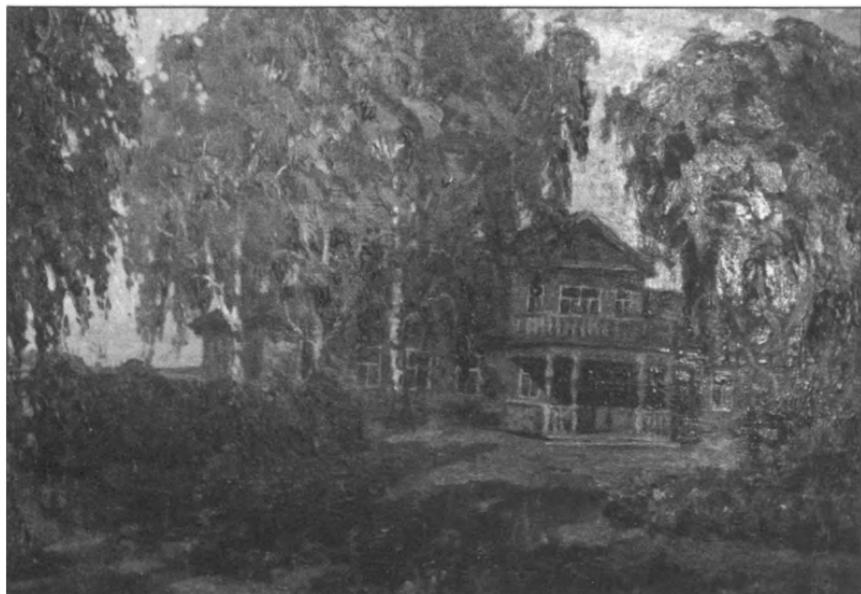
посвятил два одноименных пейзажа («Село Верхний Белоомут»), написанных в 1984 г. Село было приданым матери Николая Платоновича Огарева Елизаветы Ивановны. После ее смерти, по завещанию, оно стало принадлежать Николаю Платоновичу. Однако управлял им до совершеннолетия сына Платон Богданович Огарев. В Белоомуте Огаревы жили редко и всегда недолго. Но именно это место выбрал молодой Николай Платонович для реализации своей реформы по освобождению крестьян, которую провел в 1846 году.

Композиции обоих пейзажей – панорамные, село, вытянутое вдоль речного берега, отодвинуто к линии горизонта и представлено своим парадным фасадом. Архитектурный вид прописан обобщенно, но можно рассмотреть колокольни и храмы, возвышающиеся над массой деревянных домишек, перекрытых двускатными крышами и утопающих в зелени фруктовых садов.

Необыкновенно красив природный ландшафт, вплотную подходящий к древнему поселению. Белоомут раскинулся на левом берегу полноводной Оки, делающей крутую излучину с южной стороны поселка и омывающей его с юго-западной стороны. С севера и северо-запада к селу подступают густые хвойные леса. По равнинному левобережью расстилается плоская луговая пойма, заливаемая весенними разливами реки.

По-видимому, пейзажи написаны одновременно, в одну и ту же поездку в Белоомут. Полуденное тепло погожего летнего дня продиктовало Рожкову мажорную колористическую палитру в композиции с горизонтальным расположением Оки. Второй пейзаж – вечерний, цветовая гамма здесь сложнее, наполнена сиреневыми оттенками, контрастами светотени. Очевидно, что обе работы писались с помощью натурального материала. В композициях не утрачено ощущение радостного восторга от красоты увиденного ландшафта.

«Усадьба Тучковых в Яхонтове» – последняя композиция серии (1987), действительно живописная реконструкция мемориального места. Село Яхонтово, ныне Долгоруково, родовое поместье декабриста Алексея Александровича Тучкова, который прожил там более пятидесяти лет своей жизни (1826 – 1878). Там родилась его дочь – Наталья, ставшая второй женой Николая Платоновича Огарева. Поэт был дружен с Тучковым и часто гостил у него в имении. В XIX веке оно

Усадьба Тучковых в Яхонтове

процветало: было два завода – свеклосахарный и водочный, торговая лавка, церковь и школа для крестьянских детей, которую основал А.А. Тучков и в которой сам преподавал. В конце XX в. следов от некогда богатого имения совсем не осталось. Однако Семену Семеновичу Конкину очень хотелось запечатлеть это этапное в жизни Огарева пространство для университетского музея.

О создании пейзажа «Усадьба Тучковых в Яхонтове» сохранился рассказ его автора, художника Рожкова: «Вспоминается такой эпизод: вместе с Семеном Семеновичем (Конкиным – НЛ) поехали в село Яхонтово – на границе Рузаевского района с Пензенской областью, где была усадьба Тучковых. Приехали, нашли место, где она стояла, а там ничего не осталось. Только заброшенная аллея сирени и неглубокие ямки от фундамента здания. По ним мы сразу определили, какой длины и ширины было помещение. Потом нам нужно было узнать, сколько этажей – один или два, какой формы. Можно сказать, что мы делали «археологические раскопки» вместе с жителями, которые помнили усадьбу или работали в ней. Нам рассказали, сколько было окон, примерно, конечно, каким было крыльцо с открытой верандой, где обычно ставили патефон и слушали музыку, внизу была танцевальная площадка.

Дом был покрашен в красный цвет. Я делал рисунки в фас и профиль, показал старожилам несколько вариантов внешнего вида усадьбы. Когда подготовил эскиз, мне самому не понравился цвет здания. Решил пойти другим путем. Написал все ярко, интенсивно в последних лучах вечернего солнца. И этот пейзаж приобрел историческую достоверность и убедительный вид» [2, с. 253].

На картине Рожкова деревянный барский дом с большим балконом и террасой отодвинут на второй план: он живет в воспоминаниях. Впереди – тенистая березовая аллея. Трепещущая на ветру листва, быстро плывущие облака передают состояние погожего летнего дня. Эффекты светотени, словно театральным прожектором, позволили высветить, акцентировать дом, оставляя листву, кустарник, деревья на первом плане в глубокой тени. Казалось бы, ничем не омраченный пейзаж, «...Но в этой радости так грусти много!...».

Ценность живописной пейзажной серии Рожкова «По местам жизни Н.П. Огарева» трудно переоценить. Культурный ландшафт стремительно меняется, стирая дорогие, важные для современности следы. Уходят поколения людей не понаслышке знающих мемориальное пространство – исчезает память места. Ее трудно, почти невозможно восстановить. «Прошедшее встает со взорами упрека...», – написал почти двести лет назад Огарев. Живописные пейзажи нашего современника, заслуженного художника Мордовии Николая Петровича Рожкова воспринимаются своеобразной попыткой сохранения примет российского мемориального пространства для будущего и ради него.

Примечания

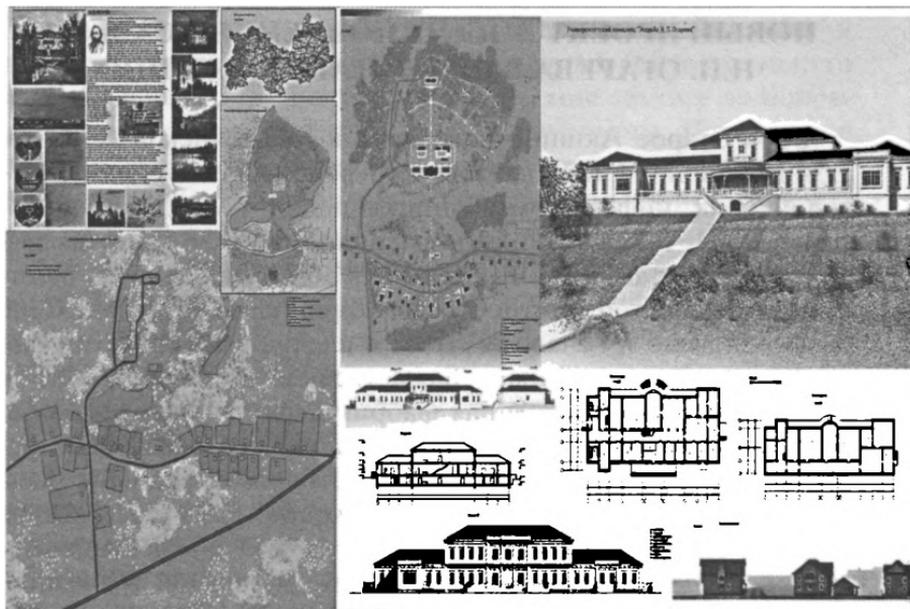
1. Блохинцев А. Н. Дом в Проломие // Памятники Отечества : ил. альм. – М. : Памятники Отечества. – 1998. – Вып. 41(5-6) : Века над Венцом : в 2-х ч. : Ч. 1. – С. 141-144 : ил. – (Вся Россия). – Симбирск-Ульяновск-Симбирск: 350 лет.
2. Видяева И.И. Признание в любви. Очерки о художниках Мордовии. – Саранск: Красный Октябрь, 2012. – 400 с.
3. Николай Рожков; живопись: [альбом]. Сост. и автор вступ. статьи Е.В. Голышенкова. Саранск: Красный Октябрь, 2006. – 128 с.

НОВЫЙ ПРОЕКТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УСАДЬБЫ Н.П. ОГАРЕВА В СЕЛЕ СТАРОЕ АКШИНО

Село Старое Акшино находится в Мизерянской сельской администрации Старошайговского района Республики Мордовия. Как информирует энциклопедия «Мордовия» (Саранск, 2004, т. 2, с. 361), село расположено в 28 км от железнодорожной станции Хованщина и в 30 км от Саранска на открытой холмистой местности со старинными прудами. Село было основано в начале XVII в., в следующем столетии оно принадлежало помещикам Бахметьевым. В конце XVIII в. в селе действовали суконная фабрика, два винокуренных завода, каскад прудов, в селе проживало тогда около 200 крестьян. В середине XVIII в. западнее барской усадьбы была построена Покровская церковь, в конце 1780-х гг. южнее усадьбы была возведена Спасская церковь – в эклектическом стиле, с купольным храмом, большой двусветной трапезной, напоминающей жилой дом, и трехъярусной колокольней. В XIX в. Старое Акшино – владельческое село, родовое имение пензенского помещика Б.И. Огарева, его внука поэта Н.П. Огарева, затем селом владел литератор Н.М. Сатин, здесь жила гражданская жена Н.П. Огарева мемуаристка Н.А. Тучкова-Огарева. В XIX в. в селе располагались барский дом, служебные и хозяйственные постройки, парк, село насчитывало немногим более ста дворов с русским населением около 900 человек. В начале XX в. в селе работали паровой винокуренный завод З.М. Борисовой, вальцовая и ветряная мельницы, имелась церковно-приходская школа.

В настоящее время в селе проживает около полусотни жителей пенсионного возраста – с хозяйственной и социальной точек зрения село является бесперспективным. Усадебный дом Огаревых был разобран еще в 1897 г., хозяйственные постройки – в 1930-е гг., Спасская церковь (кроме двух нижних ярусов колокольни) была снесена в середине 1960-х гг. К настоящему времени сохранились каскад из шести прудов, липовые и лиственничные аллеи.

Усадебный комплекс Огаревых располагался на возвышенности, окруженной с трех сторон оврагами и речкой. На юг главным фасадом был обращен каменный двухэтажный жилой дом с симметричными флигелями. Планировка дома анфиладная, фасады – лаконичные, постройки были выпол-

нены в экономном стиле провинциального классицизма. Севернее дома располагались хозяйственные постройки и парк. Крестьянская застройка размещалась группами западнее, восточнее и южнее усадьбы (где стояла Спасская церковь). От усадьбы к церкви через плотину вела дорожка. Суконная фабрика находилась к юго-западу от усадьбы. Таким образом, барский комплекс в центре села на возвышенности являлся его доминантой. Хозяйственный и архитектурный расцвет комплекса приходится на начало XIX в., хотя ни Спасская церковь, ни барский дом не отличались выдающимся обликом и, вероятно, проектировались провинциальными архитекторами-дилетантами. Усадьба в Старом Акшине являлась одной из сотен типичных сельских поместий небогатых дворян, занимавшихся малопродуктивным производством и культурным обустройством своей жизни в соответствии с личными интересами.

В 1970-80-е гг. остатками усадьбы заинтересовался Мордовский госуниверситет, предлагавший создать в селе загородный комплекс, включающий санаторий, обсерваторию и восстановленную усадьбу. В 1970 г. обследование территории усадьбы было проведено сотрудниками университета под руководством проф. И.Д. Воронина, в 1984 г. обследовался

усадебный парк, а «Спецпроектреставрация» выполнила проект охранных зон и восстановления усадьбы. В те же годы «Мосгидроводхоз» выполнил проект реконструкции прудов, но его реализация нарушила сложившийся ландшафт. В 1988 г. «Леспроект» выполнил проект реконструкции парка, в том же году территории был придан статус памятника истории и культуры. В конце 1980-х гг. надежды на восстановление единственной в Мордовии дворянской усадьбы еще существовали, но вскоре все проекты возрождения культурного гнезда, очага провинциальной русской культуры оказались заброшенными – на два с половиной десятилетия.

Осенью 2012 г. на кафедре архитектурного проектирования и дизайна МГУ им. Н.П. Огарева был выполнен курсовой проект восстановления центральной части села Старое Акшино, автор проекта – студентка 5 курса специальности «Архитектура» В. Николаева, руководитель – проф. В.Б. Махаев. Для проектирования в качестве исходных были взяты материалы, опубликованные в книге С.Б. Бахмутова «Староакшинские помещики. Из истории родового гнезда Огаревых и Сатиных» (Саранск, 2004), в том числе концепция развития села, утвержденная в 1988 г. Министерством культуры МАССР.

Проект включает предпроектный анализ территории, генеральный план, восстановление барского дома и хозяйственных построек, реконструкцию парка и мест, прилегающих к прудам, восстановление Спасской церкви и формирование современной малоэтажной жилой застройки вокруг нее.

Автор проекта считает, что простая музеефикация усадебного дома-новодела будет недостаточным, нежизнеспособным решением, обременительным для его собственника. Требуется нестандартное решение, аргументированная программа нового многофункционального использования всего села, связанного с другими объектами истории и культуры республики и системой туристического обслуживания. Дом-музей с конференц-залом, служебные постройки с лабораториями, парк с опытными участками, коттеджный поселок могут стать загородным кампусом университета. Научным работникам здесь можно проводить конференции, посвященные Н.П. Огареву и его эпохе, студентам – проходить учебную и исследовательскую практику (геодезия, биология, этнография, история и др.), коттеджный поселок может служить жильем преподавателей и сотрудников университета. Село можно использовать как небольшой туристический центр, предназначенный для регионального семейного агро- или экотуризма.

Разумеется, проект является учебным, он не предназначен для немедленного внедрения. Тем не менее, студенческий проект можно рассматривать в качестве эскизного материала, во второй раз, в новых исторических условиях предлагающий восстановление этого значащего для Республики Мордовия и Мордовского университета места.

Научное издание

Н.П. ОГАРЁВ В РОССИИ

Коллективная монография

Научный редактор профессор Н.И. Воронина

Подписано в печать 11.11.2014.
Формат 84×108 1/16. Усл. печ. л. 2,9.
Тираж 100 экз. Заказ № 2709

ГУП РМ «Республиканская типография “Красный Октябрь”»
430030, Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а
E-mail: tko-saransk@mail.ru

